

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ОЛОНХО И ЭПОСА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ (постановка проблемы)

Предпринята попытка поставить новую для современного олонховедения проблему сравнительно-исторического изучения олонхо и эпосов тюркоязычных народов Южной Сибири. Обосновывается мысль о том, что только исторический подход позволит аргументированно решить вопрос о генезисе якутского героического эпоса, определить место и время его происхождения.

Ключевые слова: олонхо, эпос, тюркоязычные этносы, языковая общность, этнические контакты, алтайские племена, южные предки якутов.

V. N. Ivanov

To the issue of comparative-historical study of olonkho and the epos of Turkic people

The try to pose a problem of comparative-historical research of olonkho and eposes of Turkic people of the Southern Siberia new to the modern olonkho study was undertaken. The idea about the thing that only historical approach can allow to decide with reason the problem of Yakut heroic epos genesis, determine the place and time of it's origin is proved.

Key words: olonkho, epos, Turkic ethnic groups, linguistic community, ethnic contacts, Altai tribes, southern ancestors of Yakut people.

Еще в 1945 г. будущий академик АН СССР А. П. Окладников обнародовал свой вывод о том, что «якутское олонхо первоначально сложилось на юге, далеко от Средней Лены, в то время, когда у его создателей не было социальной почвы для оформления позднейших циклических эпоев типа «Манаса» и «Джангара», но предки якутов и родственные им племена уже оставили далеко позади древний строй материнского рода и вступили в эпоху развитого отцовского рода. Оформление олонхо протекало в условиях тесных культурно-исторических связей и постоянного взаимодействия предков якутов как с их ближайшими родичами, предками нынешних саяно-алтайских племен, так и с древними монголами» [1, с. 276-277]. Для изучения проблемы происхождения якутского героического эпоса олонхо этот вывод А. П. Окладникова имеет важное значение, т. к. намечились два направления сравнительного изучения историко-культурных корней якутского эпоса: тюркское и монгольское. В настоящее время наука не располагает убедительными данными, отвечающими на вопрос, какой из этих корней был исходным, какой – сопутствующим. От ответа на этот вопрос зависит многое, в т. ч. выяснение нахождения

исторического места и определение исторического времени оформления олонхо как особого жанра устного творчества предков якутов. Где находились предки якутов, кто были этнические предки якутов – попыток решить этот вопрос было предостаточно, но однозначного ответа до сих пор нет. Правда, все исследователи согласны с тем, что предки якутов территориально имели южное происхождение и что в этническом плане они относились к тюркской общности, но этого явно недостаточно для понимания глубинных основ этнической истории и древней культуры южных предков якутов.

Обращение к историографической традиции объясняет, что в постановке вопросов, связанных с изучением происхождения того или иного народа, его культуры, особо важное место принадлежит языку. Такое положение является аксиомой; если это так, то мы должны обратиться к мнению лингвистов-тюркологов, т. е. к мнению специалистов. Согласно их изысканиям, язык предков современных якутов изначально принадлежал к числу тюркских языков. Но возникает вопрос – какая этническая общность была носителем этих тюркских языков? Где она территориально располагалась? Попытки ответить на эти вопросы предпринимались С. Е. Маловым и Е. И. Убрятовой – общепризнанными специалистами по изучению тюркских языков [2, 3]. Обобщая их взгляды, А. П. Окладников писал: «... изучение

ИВАНОВ Василий Николаевич – д. и. н., профессор,
директор НИИ Олонхо СВФУ им. М.К. Аммосова.
E-mail: institute-olonkho@mail.ru

особенностей якутского языка дает основание констатировать наличие в нем весьма древних в развитии тюркских языков элементов. Особо отмечается, в частности, наличие в якутском языке ряда черт, которые сближают якутский язык с языком орхон-енисейских рунических надписей VII-VIII вв. н. э.» [1, с. 278].

Таким образом, исследователи древних тюркских языков выдвинули мнение, что предки якутов находились в близких отношениях с носителями орхон-енисейской тюркской языковой общности. Согласно достижениям классической тюркологии, орхонские тюрки – конфедерация тюркоязычных племен Центральной Азии V-VII вв. во главе с племенем ашина. В 265-460 гг. племя ашина входило в состав позднегуннских государств, завоевавших Хэси (Западный Китай) и часть Восточного Туркестана. В 460 г. племя было подчинено жужанам и переселено на Алтай, где возглавило племенной союз, принявший наименование «тюркский». В 551-555 оно разгромило жужан и создало в 552 г. Тюркский каганат с центром на р. Орхон (Монголия) [4, 5, 6]. Как явствует из этих данных, этническая общность тюрков сформировалась на Алтае в середине V в. н. э. и, следовательно, начало этнической истории тюркоязычных предков якутов можно отнести к этому историческому времени и к этой исторической территории, зная, что название «тюрк» первоначально имело только политическое значение. Для нас же важно, что обозначается интересная линия изучения происхождения якутского героического эпоса – олонхо. Но изучение проблемы затрудняется сложностью самой истории Тюркского каганата.

Тюркский каганат, созданный в 552 г. н. э., просуществовал до 745 г., пережив непрерывные внешние и внутренние войны и межплеменные усобица, распад на враждебные друг другу восточную (центрально-азиатскую) и западную (средне-азиатскую) части. Западный каганат распался в 740 г., а Восточный был разгромлен уйгурами в 745 г. [7]. Почти 200-летнее существование Тюркского каганата не осталось без следа в истории. Его историческое значение заключается в том, что каганат сыграл важную роль в консолидации тюркоязычного населения Евразии и способствовал дальнейшему развитию этнических групп, составивших впоследствии основу современных тюркоязычных народов. Остается выяснить вопрос – какая этническая группа алтайских тюрков составила основу современных языков? Л. Н. Гумилев попытался ответить на этот вопрос, без всяких оговорок восприняв положение А. П. Окладникова о том, что древними предками якутов были курыканы, ареал распространения которых соответствовал археологической «курумчинской культуре», географическим центром которой был Байкал с его

тогда густо заселенными берегами, а основной областью ее распространения было верхнее течение Ангары и Лены, вплоть до Байкала, включая о-в Ольхон» [1, с. 265]. Слабая аргументация принадлежности курыканов к алтайской тюркской этно-языковой общности оставляет вопрос о древнейших этнических истоках предков современных якутов открытым и позволяет нам произвести проверку правильности гипотезы о курыканском происхождении якутского этноса.

Ясно, что без четкого ответа на вопрос об истоках этнической истории современных якутов невозможно представить себе решение и других вопросов, в том числе древней духовной культуры якутов. Тем более это касается древнейших истоков якутского героического эпоса олонхо. Потому и предстоит вновь разобраться в вопросе о происхождении самого якутского народа от курыкан, о его древнейших культурно-исторических и этногенетических контактах.

Выше мы констатировали, что А. П. Окладников связывает предков якутов с орхон-енисейскими носителями языка тюрков VII-VIII вв. н. э. Конечно же, при этом он поддерживает мнение своих предшественников С. Е. Малова и Е. И. Убрятовой. Преимущество этого вывода археолога состоит в том, что он более конкретен – первоначальное место размещения предков якутов привязано к определенному региону, время – к определенному периоду истории Тюркского каганата. Следовательно, при дальнейшем изучении генезиса олонхо мы можем отталкиваться от данного места и времени.

Второй путь изучения темы, обозначенный А. П. Окладниковым, выводит нас на монголоязычные народы, с которыми «носители древнетюркского языкового достояния находились в общении», причем «наиболее длительным и глубоким в силу определенных, исторически сложившихся причин» [1, с. 278-279]. Здесь для нас представляется важным указание на то, что общение носителей древнетюркского языка с монголоязычными народами произошло исторически позже, после того, когда под влиянием каких-то крупномасштабных событий произошло разрушение единого тюркского мира. Известно предположение А. П. Окладникова о времени проникновения монголоязычных народов в Прибайкалье – XI-XII вв. н. э. и о смене ими здесь местных, тюркоязычных аборигенов [8]. Однако современные специалисты утверждают, что удовлетворительное решение вопроса о времени появления монголоязычных племен в Прибайкалье на основании только археологических материалов пока не представляется возможным. Но как бы то ни было, еще не опровергнуто мнение о том, что тюркоязычная этническая общность в районе Прибайкалья существовала до появления здесь монголоязычного этноса. Это очень

важно, т. к. этот вывод может быть связан с изучением происхождения якутского героического эпоса олонхо, и он даст возможность определиться со многими неизвестными историческими обстоятельствами древнейших тюрко-монгольских контактов. В нашем случае этому вопросу отводится особое место, и его результаты могут внести определенную ясность в выявление исторических корней эпоса олонхо. Остается неясным прежде всего вопрос, насколько «длительным и глубоким» было общение носителей тюркского и монгольского языков, о котором говорил А. П. Окладников, и в состоянии ли мы рассматривать вопрос о монгольских истоках нашего эпоса?

В этой ситуации напрашивается необходимость специального проведения историко-сравнительного изучения эпоса носителей древнетюркских и древнемонгольских языков с обязательным выходом на этногенетические проблемы. Стоит отметить, что попытки подобного сравнительного исследования уже проводились. Во-первых, в обобщающих работах по истории Якутии на общем фоне проблемы происхождения якутского этноса в какой-то мере затрагивалась и проблема якутского эпоса со ссылкой на историко-культурную общность тюркоязычных и монголоязычных этносов, но не больше. Во-вторых, в трудах эпосоведов, занимающихся олонхо, говорилось в общих чертах о его древнейшем южном происхождении без должного сравнения с эпосами тюркоязычного и монголоязычного происхождения. В-третьих, только с середины XX в. начинается работа по историко-сравнительному изучению якутского олонхо с эпосами других народов. Речь, конечно же, идет о специальных исследованиях.

Исследования такого формата связаны в первую очередь с именем известного олонховеда И. В. Пухова, автора монографии [9]. В ней автор сосредоточил свое внимание на характеристике основных образов в олонхо, не прибегая к сравнениям образов в других эпосах. Но еще в 1959 г. он впервые предпринял сравнение врагов героя в якутском олонхо и в узбекском «Алпамыше» [10]. В теоретическом плане интересен его подход к сравнительно-историческому методу в фольклористике, в частности, в изучении эпосов. Он писал: «Известно, что во многих работах из сравнительно-исторического метода выпадала самая важная часть – историческая основа, а сравнения проводились без всякого обоснования какой-либо их закономерности в каждом отдельном случае. Сопоставлялись, например, сюжеты, образы, отдельные детали произведений эпического творчества отдаленных народов, что вообще возможно и нужно. Но зачастую это делалось по случайным признакам, действительные же исторические связи или соответствия не устанавливались. В результате сравнительный метод превращался в одну из

разновидностей формального метода» [11]. Думается, что И. В. Пухов глубоко прав, ибо невозможно правильно понять исторические корни эпических произведений, возникших в незапамятные времена и в силу каких-то причин разобщенных между собой. Поэтому при изучении генезиса любого эпоса основополагающим является установление исторических связей, начиная от родственных. И, конечно же, сравнительное изучение генезиса якутского олонхо должно начинаться с изучения эпоса тюркоязычных народов.

Руководствуясь таким пониманием сравнительно-исторического метода в фольклористике, И. В. Пухов постепенно расширяет рамки своего видения, используя преимущества метода при анализе генетической общности олонхо с эпосами других сибирских народов и в 1971 г. публикует специальную статью [12]. Главный вывод статьи – о существовании генетической общности якутских олонхо с алтайским героическим эпосом, такая общность между предками якутов и алтайцев существовала в период не позднее IX-X вв., максимум XI в. н. э. С этого времени эпос двух родственных этносов распался, но в течение почти тысячи лет в условиях раздельной истории удивительным образом сохранились стилистические и сюжетно-композиционные элементы древнейшего единого эпического творчества [9, с. 73]. В дальнейшем (в 1972 г.) И. В. Пухов подверг историко-сравнительному анализу якутские олонхо и калмыцкий «Джангар», в котором выявлено больше различий, чем общности в двух эпосах [13].

В 1975 г. Иннокентий Васильевич опубликовал статью, в которой ставились еще более широкие задачи – рассмотрение общности, сходства и различия в героическом эпосе тюрко-монгольских народов Сибири: якутов, алтайцев, хакасов, шорцев, тувинцев и бурят [14]. Статья интересна тем, что в ней выделены народы (алтайцы, хакасы, тувинцы и шорцы), которые никогда не прерывали непосредственные контакты между собой, следовательно, сохраняли определенную общность в фольклоре, в частности, в героическом эпосе. Буряты также не теряли своей связи с племенами восточных тюрков, особенно с предками современных хакасов и тувинцев (а через них и с племенами Алтая). Якуты же, отделившись от своих южных предков, потеряли связи с ними во все последующее время, хотя какое-то время (примерно «в начале или в первые века второго тысячелетия н. э.») они общались с бурятами [14, с. 12]. Применительно к нашей теме вывод автора статьи выглядит так: «якутские олонхо имели генетически общие черты с древнейшими пластами эпоса других тюрко-монгольских народов Сибири», но эта «общность охватывает основные особенности олонхо: его стиль, сюжет и композицию, характерные образы» [14, с. 63]. Это

наблюдение автора может быть одним из отправных пунктов в изучении генезиса якутского эпоса.

Начатую еще в конце 50-х годов прошлого столетия работу по историко-сравнительному изучению эпоса сибирских народов И. В. Пухов обобщил в специальном монографическом труде, изданном по смерти автора, в 2004 г. [15]. Центральный вопрос в монографии – о древнейших истоках якутского героического эпоса олонхо. Автор прав в методологическом плане, связывая данный вопрос с происхождением самого якутского народа, с его древнейшими культурно-историческими и этногенетическими контактами. Именно потому он счел необходимым «дать специальный анализ возможных древних связей – олонхо с эпосом родственных якутам народов» [15, с. 5]. Для этого рассмотрел эпос трех современных якутам народов из группы алтае-саянских: алтайцев, шорцев и хакасов.

Интерес к такой постановке вопроса, понятно, огромен. Автор правильно замечает, что «разобщенные громадным пространством якуты и алтае-саянские народы в течение почти всего дальнейшего исторического периода их существования уже не имели никаких связей» [15, с. 6]. По мнению автора, все это делает необыкновенно интересным установление черт сходства якутских олонхо с эпосом алтае-саянских народов, как в специальном (для этногенеза якутов и генезиса их эпического творчества), так и в общетеоретическом плане. Далее интересным представляется его утверждение о том, что «якуты знали алтае-саянские народы раньше бурят (в памяти якутов буряты сохранились, а алтае-саянские народы нет)» [15, с. 8]. Это положение, естественно, должно учитываться в разработке вопросов генезиса якутского эпоса.

Главным достоинством исследования И. В. Пухова является генетический подход к сравнению эпосов, поэтому в качестве более или менее достоверных данных, которые могли бы свидетельствовать об общности эпического творчества, автор выдвигает следующее:

- а) композиционное сходство эпосов народов;
- б) сходство приемов описания, характеристики и изобразительных средств;
- в) сходство конкретных деталей;
- г) сходство имен традиционных, наиболее устойчивых персонажей в эпосах.

Как видно, речь идет о проведении анализа «внутренней природы» эпоса, о взгляде на эпос изнутри, а не о механическом совпадении его составляющих. Это – новый подход, с помощью которого И. В. Пухов проанализировал:

- сюжеты и образы героического эпоса алтае-саянских народов и якутского олонхо;
- эпос о белом волке и его воспитаннике («Алтан-

Кучкаш» и «Ак-Тойчи»);

- шорские героические сказания;
- хакасские героические сказания.

На основании приведенного анализа И. В. Пухов приходит к выводу о том, что раздельное существование алтае-саянских этносов обнаруживает в большинстве произведений эпоса лишь сходство в деталях, отдельных мотивах, но не в целом [15, с. 160]. Тем не менее он поразился тому обстоятельству, что отдельные произведения героического эпоса алтае-саянских народов схожи с якутским героическим эпосом олонхо не в каких-нибудь частностях и деталях, а почти полностью: в стиле, композиции, в трактовке образов. Этот вывод фундаментально обоснован подробнейшим («Шаг за шагом») историко-сравнительным анализом алтайского героического сказания «Маадай-Кара» и якутских олонхо [15, с. 163-313].

В целом же историко-сравнительное изучение героического эпоса алтае-саянских народов и якутских олонхо привело И. В. Пухова к выводу о том, что древняя общность истоков олонхо и героического эпоса алтае-саянских народов выступает вполне явственно, что они «несомненно родственные эпические произведения, начало которых относится к тому времени, когда предки якутов в глубокой древности непосредственно общались с предками алтае-саянских народов» [15, с. 292]. Что касается взаимоотношений якутских и бурятских эпосов, то они происходили исторически позже, чем связи якутского эпоса с эпосом алтае-саянских этносов. Это произошло «не позднее XIV в.» [15, с. 292].

Впоследствии И. В. Пухов в соавторстве с Г. У. Эргисом внес некоторые нюансы в своих размышлениях о времени происхождения якутского эпоса. Они писали: «Вероятно, олонхо создавалось еще в тот период, когда предки якутов сохраняли в своей памяти враждебные отношения с древними тюрками в VI-VII вв. Это не значит, конечно, что зарождение эпоса обязательно должно быть отнесено к VI-VII векам. Но, возможно, что он складывался в ту пору, когда древние предки якутов еще пели о своих сражениях с тюркскими каганами» [16]. Такое объяснение исторического возраста олонхо не прибавило ничего нового в решение проблемы генезиса якутского эпоса.

Проблема сравнительно-исторического изучения генезиса якутского героического эпоса затрагивалась и в работах других авторов. Но здесь мы намеренно не будем останавливаться на их характеристике, учитывая, что у них нет принципиальных расхождений с положениями тех авторов, работы которых рассмотрены выше. Есть отличия в подходе к теме, в расшифровке содержания терминов и ключевых слов в эпосах, в трактовке исторических явлений, получив-

ших то или иное отражение в эпических произведениях. Например, в монографии В. М. Никифорова [17] выделяются стадии эволюции эпической традиции, характеризуются этнонимы, топонимы, диалектизмы, эпонимы и т. д., позволяющие установить связь между эпическим временем сказаний и историческими фактами. Такой ракурс исследования следует только приветствовать.

Таким образом, нашими предшественниками положено начало сравнительно-исторической разработке проблемы генезиса якутского героического эпоса олонхо, особенно И. В. Пуховым, оставившем солидное монографическое исследование. Основное преимущество этого метода состоит в том, что предполагается раскрытие истоков, корней зарождения и развития эпического наследия. С его помощью создана общая картина древнейших связей носителей якутского эпоса и эпосов родственных якутам народов, в первую очередь алтае-саянских тюркских этносов. Но нам представляется, что не все вопросы генетического порядка рассмотрены достаточно убедительно; есть новые аспекты изучения эпического наследия; имеются и спорные сюжеты. Создается впечатление, что тема сравнительного изучения эпосов нуждается в дальнейшем развитии, главным образом с точки зрения поиска более эффективных методологий и методов исследования. Нам представляется, что необходим в этом смысле комплексный подход с использованием методологии и методики других наук: археологии, этнографии, истории, филологии, исторической социологии и т. д. Но основополагающим принципом исследований должен быть принцип историзма, предполагающий последовательное и системное изучение комплекса вопросов, связанных с вопросом происхождения якутского героического эпоса.

Такой подход предусматривает решение следующих задач:

- изучение на основе новых научных достижений этногенезиса и этнической истории якутов в тесной связи с этногенезом и этнической историей родственных тюркоязычных народов Алтая и Прибайкалья;
- выяснение характера и исторического времени общения предков якутов с бурятским этносом;
- выявление общих черт и различий в эпическом наследии тюркоязычных и монголоязычных этносов;
- выявление особенностей исторического развития эпического наследия и др.

Думается, что решение этих задач станет возможным на основе новых исследований специалистов по этногенезу и этнической истории и при внимательном анализе памятников (опубликованных) эпического

наследия народов с использованием историко-сравнительного метода.

Л и т е р а т у р а

1. Окладников А. П. Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом. История Якутской АССР. Т. I. Якутия до присоединения к Русскому государству. – М.-Л., 1955. – С. 276-277.
2. Малов С. Е. Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам // Вестник Академии наук СССР. – 1941. – № 5-6;
3. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М., 1950. – С. 128.
4. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI-VIII вв. – М.-Л., 1946;
5. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, 2 изд. – М., 1951.
6. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники, как источник по истории Средней Азии. – М., 1964.
7. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М., 1967.
8. Окладников А. П. Археологические работы в зоне строительства Ангарских гидроэлектростанций: (общие итоги) // Записки Иркут. Обл. краевед. Музея. – Иркутск, 1958. – С. 17-28.
9. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. – М., 1962. – С. 73
10. Пухов И. В. Враги героя в олонхо и в «Алпамыше» // Материалы по обсуждению эпоса «Алпамыш». – Ташкент, 1959. – С. 203-215.
11. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Публикация, перевод, теория, типология. Избранные статьи. – Якутск, 2004. – С. 48.
12. Пухов И. В. К вопросу о генетической общности якутского героического эпоса олонхо с эпосом других сибирских народов // Национальное и интернациональное в литературе, фольклоре и языке. – Кишинев, 1971. – С. 200-210.
13. Пухов И. В. Якутские олонхо и калмыцкий «Джангар» // Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. – м., 1962. – С. 76-83.
14. Пухов И. В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия // Типология народного эпоса. – М., 1975. – С. 12-63.
15. Пухов И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. – Якутск, 2004.
16. Пухов И. В., Эргис Г. У. Послесловие // Строптивый Кулун Куллустур: якутское олонхо. М., 1985. – С. 558.
17. Никифоров В. М. От архаического олонхо к раннефеодальному эпосу. – Новосибирск, Наука, 2010.